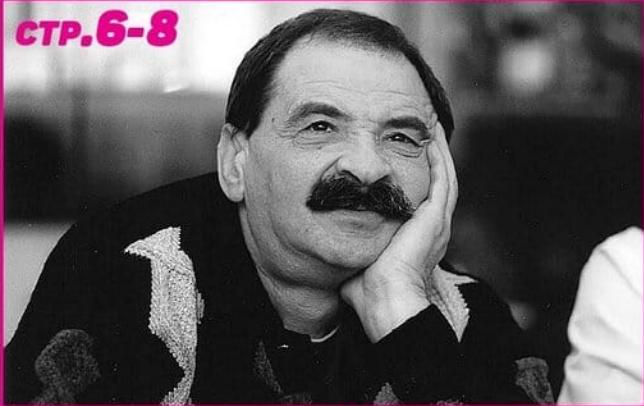

Бульварные новости

стр. 6-8

ИЛЬЯ ОЛЕЙНИКОВ,
КИНО, ОДЕССА...

СЧАСТЛИВАЯ
НЕСПРАВЕДЛИВОСТЬ

стр. 14-17

ИСТОРИЮ
НАДО ЗНАТЬ!

стр. 10-11

СЧАСТЛИВАЯ НЕСПРАВЕДЛИВОСТЬ

Геннадий Норд

Бывает, пишешь очерк о каком-то человеке, а сказать-то, по большому счету, и нечего. Вот и высасываешь из пальца всякую информацию, чтобы набрать необходимое количество строк.

А бывает, человек — такая глыба, о нем не только есть, что рассказать, но еще приходится сокращать написанное. И от этого болит душа, потому что об этом человеке хочется говорить и говорить.

У него было столько талантов, что, казалось, при его рождении феи дрались у колыбели за право вручить свой подарок. Актёр, живописец, скульптор, писатель, каскадер, декоратор, наконец, просто красавец, атлет и необыкновенно достойный человек, вызывающий всеобщее уважение и любовь.

Единственный, кто сомневался в том, что он достоин этой любви и этих даров, был сам Жан Маре. Впрочем, он, которого называли вечным ребенком, вполне мог помнить, что никаких фей у его колыбели не было...

Жан-Альфред Виллен-Маре родился 11 декабря 1913 года в нормандском портовом городке Шербуре.

Его родителями были ветеринар Альфред Эмманюэль Виктор Поль Виллен-Маре, который предпочитал именовать себя просто Маре, и Алина Мария Луиза Вассор, называвшая себя Анриетта.

Благополучие этой обычной буржуазной семьи разрушила Первая мировая война. Альфред Маре пришлось уйти на фронт. Вернулся он только через четыре года: «Когда мой отец уходил на войну, мне было чуть меньше года», — вспоминал Жан Маре. — Когда он вернулся, мне было пять. Помню, я сидел верхом на сенбернаре и, увидев его в дверях, закричал: «Это что еще за верзила! Прогоните его, он мне не нравится!» Верзила — потому что

ростом он был не меньше, чем метр девяносто. Он отвесил мне пощечину. Вскоре мои родители разъехались. Я и брат дотянулись матери, а сенбернар — отцу».

Анриетта взяла детей, мать и тетку и переехала в Париж. Она была очень красивой, остроумной, одаренной женщиной, с сильным характером, строгой и справедливой матерью, которая обожала детей и, по словам Маре, воспитывала в них мужество, стойкость и бесстрашие, и ко всему этому — авантюристкой и kleptomanкой, не раз оказывавшейся в полицейском участке за попытки краж в роскошных магазинах.

Ребенком он обожал мать. Однажды она повела его на спектакль, где главных героев — страстно влюбленную пару — звали Розалин и Шабиш. С тех пор он стал называть мать Розалин, а она его — Шабиш.

С четырех лет маленький Жанно знал, кому он хочет стать: конечно, актером, и никем иным! С того дня, как он впервые попал в кинотеатр, он буквально бредил этим искусством, без устали разыгрывая перед близкими сцены из фильмов, только вместо любимых актеров были плюшевые мишки и солдатики. Его кумиром была Перл Уайт — «королева трюков» немого кино, прославившаяся ролями в приключенческих фильмах, полных погонь, падений и подвигов. Жанно был восхищен мужеством этой хрупкой актрисы — пока не узнал, что она уже давно не

исполняет трюки сама: за нее это делала целая команда каскадеров. Тогда Жанно пообещал себе, что уж он-то будет сам исполнять все трюки в своих фильмах!

В шестнадцать лет учебу пришлось бросить: семье нужны были деньги. Сначала Жан устроился в радиомастерскую, а затем поступил на завод Патэ, занимавшийся производством кинооборудования: хоть так, но Жан стал на шаг ближе к

Жан Маре и Жан Кокто

своей мечте. Следующим шагом была работа в фотограф: хозяин ателье, кроме собственно мастерства фотографа, учил Жана живописи, а также снимал красивого юношу для рекламы своего заведения. Жан рассыпал карточки на все киностудии в надежде, что какой-нибудь режиссер вдохновится его лицом и предложит ему роль. Юного красавца нередко приглашали на пробы, но дальше дело не шло. На прослушиваниях Маре читал классические монологи и делал это с таким чувством, что однажды услышал в свой адрес: «Вам нужно лечиться! Вы истерики!»

Это отрезвило Жана: он понял, что одной внешности и желания недостаточно для того, чтобы стать актером, — нужно образование. Он трижды безуспешно пытался поступить на актерское отделение Парижской консерватории, пока, наконец, не был принят статистом в театр Atelier. Этой работы, помимо бесценной практики, давала возможность почти бесплатно ходить на курсы актерского мастерства к прославленному педагогу Шарлю Дюлоплу.

Самым знаменитым человеком в артистической среде тогдашней Франции был, без сомнения, Жан Кокто. Утонченный эстет, еще в молодости удостоенный прозвища «принц поэтов», названный единственным наследником Оскара Уайльда, он был талантлив и удачлив во всем: писал стихи, романы и пьесы, рисовал, ставил кинофильмы и балеты. Жан Маре вспоминал, что однажды в 1933 году зашел в гости к другу-художнику, и внезапно на одной из картин увидел лицо, удивительно похожее на его собственное. Под картиной стояла

подпись «Жан Кокто». Тогда Маре пообещал себе, что когда-нибудь обязательно познакомится с ним. Однако ждать этого ему пришлось четыре года.

В 1937 году Жан Кокто собирался стать в Atelier свою пьесу «Царь Эдип». Кто-то из занятых в спектакле девушек пригласил на репетицию Жана Маре — мол, у них не хватает мужчин. Маре принял — и Кокто с ходу предложил ему главную роль. Однако труппа возмутилась, и роль отдали другому, а Маре доказала всем пара реплек. Зато Кокто заметил его и в следующей своей пьесе — «Рыцари Круглого стола» в Theatre de l'Œuvre — предложил ему роль еще до того, как какие-нибудь завистники вмешались. Конечно, Маре был неопытным новичком, дилетантом, но Кокто смог разглядеть в нем не только потрясающие внешние данные, но и немалый драматический талант, который только надо было вытащить на свет. Кокто натаскивал Маре, репетировал с ним, учил двигаться и разговаривать... По совету Кокто Маре начал курить — от этого его мягкий и немного высоколосатый голос приобрел глубину и знаменитую хрипоту.

Внимание мэтра к молодому красавцу не осталось незамеченным — за кулисами поползли слухи, за которые Маре сначала нередко давал внос, а потом решил просто игнорировать.

Однажды у себя дома Кокто сказал: «Это катастрофа! Я вас люблю!»

Маре вспоминал:

«Страх перед всемогущим режиссером и мгновенно мелькнувшие в мыслях блестительные возможности заставили меня пойти на маленькую ложь, и я чуть слыш-

Жан Маре и Мадлен Солон в фильме «Вечное возвращение», 1943 г.

Мила Парели, 1939 г.

Жан Маре. Портрет Милы Парели, 1942 г.

но ответить: «Я тоже». Эта ложь была маленькой еще и потому, что очень скоро она стала правдой... Я полюбил Жана».

Жан Кокто стал для молодого актера всем: отцом, учителем, любовником и другом. Кокто познакомил Маре со своими друзьями, среди которых были Коко Шанель, Эдит Пиаф, Лукино Висконти и Морис Шевалье. Он писал для него стихи — их поэтическая переписка вошла в анналы мировой поэзии, ставила пьесы и кинофильмы. Их союз, любовный и дружеский, продолжался двадцать шесть лет, и за это время они ни разу не поссорились. Их связывали творчество и родство душ.

В 1938 году Кокто всего за восемь дней специально для Маре написал пьесу «Ужасные родители». Пьесу о непростых отношениях матери и сына поначалу никто не хотел ставить — Кокто даже собирался купить театр, но ему не хватало денег. Наконец, пьесу, даже не читая, взяли в Theatre des Ambassadeurs. Партнершей Маре в спектакле была Ивонн де Бре — превосходная актриса, которая поразила Маре своим талантом и со временем стала ей второй матерью.

Спектакль готовился с большими трудностями, однако, когда он, наконец, вышел, его ждал неожиданно шумный успех, а Маре — восторженные рецензии в газетах и любовь зрителей.

Когда началась война, Маре тут же отправился на мобилизационный пункт. Там он услышал разговор двух офицеров, которые жаловались, что армия катастрофически не хватало автомобилей; Маре тут же предложил свой. Его привезли вместе с машиной; он служил шофером воинской части в округе Мондише.

В 1941 году Коктоставил пьесу «Пишуши машина», где Маре играет сразу две роли — Паскаля и Максима. За несколько дней до премьеры стало известно, что один из профашистских критиков Ален Лебро намеревается разнести постановку в пух и прах. Маре вспылил и пообещал, если такое случится, отстоять свою честь кулаками. Так и произошло: на следующий день после выхода разгромной рецензии Лебро Маре нашел ее избитой. После этого телефон в квартире Кокто раскалился от благодарственных звонков всех, кому успел наслытить Лебро. Маре стал настоящим символом сопротивления оккупантам.

В 1943 году самый прославленный театр страны Comedie Francaise пригласил Жана Маре войти в состав труппы. Правда, сотрудничества не получилось: в это время режиссер Марселя Карне пригласил Маре сниматься в своем фильме «Жюльетта, или Ключ к сновидениям» по пьесе Жоржа Неве, однако театр не отпускал Маре на съемки, и ему пришлось уволиться. Но и фильм так и не был снят — лишь через десять лет Карне все-таки поставит эту картину, но главную роль в ней сыграет Жерар Филипп.

Хотя съемки «Жюльетты» и были отменены, Маре не остался без работы. Только за первые годы войны он снялся в картинах «Рдеет выющийся флаг» режиссера Жака де Баронсели, «Кармен» Кристиан-Жака, на съемках которого Маре научился верховой езде, и «Кровать под балдахином» Ролана Тюаля.

На натурных съемках «Кровати» Маре сблизился со своей партнершей Милош Парели, очаровательной и веселой девушкой: они изо всех сил старались держать свой роман в тайне, однако слухи о нем поползли довольно быстро, дойдя, в конце концов, и до Кокто. Однако тот, вместо сцен ревности, сделал Маре поистине роскошный подарок — сценарий фильма «Вечное возвращение». В его основу легла старинная легенда о Тристане и Изольде и их нечастной любви, только действие развивалось в современной Франции. Тристан стал Патрисом, а Изольда — Натали, но их трагическая обреченная любовь по-прежнему трогала сердца. По настоянию Маре на роль матери Патриса была приглашена Ивонн де Бре.

Фильм, который снял Жан Делануа, произвел фурор: Жан Маре в одиночестве из проста знаменитого актера превратился в настоящего кумира. Его называли «воплощением красоты на Земле», хотя сам он никогда не считал себя красавцем и так и не смог поверить, что его считают красивым другое.

Ему ежедневно приходили сотни писем, на которые старательно отвечала

Жан Маре и Эдвиг Ферье в фильме «Двуглавый орел», 1947 г.

Жан Маре и Ивонн де Бре в фильме «Ужасные родители», 1948 г.

Анриетта Маре: она успешно подражала почерку сына и даже составила картотеку его поклонниц, чтобы случайно не выплыть одну и ту же фотографию или благодарственную записку дважды.

«Вечное возвращение» вознесло Маре к вершинам настоящей славы. Между тем было известно, что он находится в списках неблагонадежных лиц — несколько месяцев Маре каждое утро просыпалась на рассвете, ожидая ареста...

Однако его сотрудничество с Кокто не прекращалось ни на минуту. В 1944 году он написал для Маре сценарий еще одного легендарного фильма «Красавица и Чудовище», снова обыгрывающий классический сюжет сказки мадам де Бомон, и взялся сам выступить режиссером. Красавицу должна была играть Жозетт Дей, а одну из ее сестер сыграла Мила Парели — хотя их отношения с Маре были уже в прошлом, они

по-прежнему относились друг к другу очень тепло.

В военных условиях были проблемы с тканями, аппаратурой и плёнкой, зато эскизы костюмов делали Пьер Карден и Кристиан Диор. Карден, у которого было очень схожее с Маре фигура, примеряя его костюмы на себя — Маре потом шутил, что манекеном для него выступал сам Пьер Карден! Когда, в конце концов, фильм вышел, он имел огромный успех, неожиданный для самих авторов почти сразу приобретя статус легенд.

Конец войны Маре встретил национальным героем, кумиром поколения, воплощавшим в себе желания и мечты всей нации. Казалось, его детская мечта стала популярным сбылась.

В сороковых годах он много снимался — в 1946 году играл в адаптации Гюго «Рюи Блаз», снятой режиссером Пьером Бийоном по сценарию Кокто, где Маре исполнил сразу две роли — студента Рюи Блаза и благородного главаря разбойников Сезара де Базана. Верный своему детскому обещанию, Маре сам исполнил все трюки, которых в фильме было немало, хотя у него была сильная близорукость. Об этом мало кто знал, потому что Маре всю жизнь отказывался носить очки, считая, что они делают его смешным.

«Если я готов рисковать, то это потому, что мне нравится преодолевать страхи», — говорил Маре. — «Если ты соглашаешься играть роль, где приходится подвергать свою жизнь опасности, значит, ты готов это сделать. И мне это кажется вполне естественным».

Режиссер был категорически против, не желающий рисковать здоровьем знаменитого актера, и оказался прав — во время съемок Маре чуть не утонул. Снимали сцену, где герой Маре переплывает бурную реку, актер затянуло головой вниз в стремнину, и он застрял между двумя волнами. Он едва смог выбраться на берег, на чем свет стоит, проклиная всю съемочную группу, но режиссер тут же попросил его снова залезть в то же место, пока свет не ушел...

Этот случай не охладил пыла Маре, и он продолжал сам исполнять все трюки.

«Рюи Блаз» был поначалу прохладно принят публикой, однако позже приобрел популярность как первый из целой череды историко-приключенческих фильмов, в которых за свою жизнь снимался Жан Маре.

В ленте «Тайна Майерлинга» режиссера Жана Делануа — романтизированной истории самоубийства Рудольфа Габсбурга и его возлюбленной Марии

С Жаном Кокто

Жан Маре в фильме «Завещание Орфея», 1960 г.

Окончание. Начало на с. 15

Вечером — Маре сыграл Рудольфа. Марина играла Доминик Бланшар, очаровавшая Маре, как ее героиня — Рудольфа. Они дружили многие годы.

Делануа горел желанием снять еще один фильм с Маре — он чуть не ежедневно приходил в дом к Маре и Кокто и умолял их написать сценарий для нового фильма, однако Кокто отказался. Тогда Делануа обратился к Неве, который по сюжету самого Делануа написал сценарий «Глазами памяти». Вместе с Маре снималась красавица Мишель Морган. Маре называл ее «единственной женщиной, которую я мог бы по-настоящему полюбить». Однако Мишель, которая прекрасно относилась к Маре как к другу, осталась равнодушной к нему как к мужчины — в то время она была увлечена актером Анри Видалем, за которого скро-рошила замуж.

Маре еще раз встретится с Морган на съемках «Стеклянного замка», и они будут дружить до самой его смерти.

Наконец, в 1949 году Жан Маре снимается в фильме, который по праву считается как одной из главных вершин его кинокарьера, так и высшей точкой его творческого союза с Кокто: в прославленном «Орфее».

На роль Смерти, в которой Кокто хотел видеть черты своей давней возлюбленной Натали Палей, планировали сначала Грету Гарбо, потом Марлен Дитрих, и в конце концов остановились на Марии Казарес, прекрасной актрисе, прославленной сотрудничеством с Альбером Камю, за что ее даже называли «музой эстетизма».

На съемках этого многогранового, на-каковой пронизанного символами фильма Кокто проявил необыкновенную фантазию: он выстраивал декорации под необычными углами, придумывал множество трюков с зеркалами, которые образуют настоящий волшебный лабиринт. В одном из кадров, где Орфей-Маре погружает руки в зеркало, роль стекла исполнял таз из настоящей ртути. Фильм моментально приобрел статус культового, да и сейчас по праву считается одной из вершин мирового кинематографа.

Примерно в это же время личный союз Маре и Кокто окончательно распался, однако их дружба не прервалась — наоборот, она переросла в практически родственные отношения.

В конце сороковых Жан Маре снова пригласили в Comédie Française, и он согласился при условии, что ему дадут поставить расиновского «Британника». Впервые в истории прославленного театра актер, которому не было и сорока, не только сыграл роль Нерона в спектакле, но и был его режиссером и художником-постановщиком. Его уже давно не воспринимали как «актера Кокто», никто уже не вспоминал, что поначалу его считали лишь талантливым протеже и красивым манекеном.

В пятидесятых годах Маре играет сразу в нескольких театрах, и к тому же много снимается, делая по несколько фильмов в год, и почти всегда — главные роли,

успех и признание критики. Он работал с такими режиссерами, как Жан Ренуар, который снял Маре в картине «Елена и ее мужчины», Саша Гитри, у которого Маре сыграл в ленте «Если бы нам рассказали о Париже», Лукино Висконти, доверивший Маре роль в киноверсии романа Достоевского «Белые ночи».

Всемирную известность Маре принесла экранизация «Графа Монте-Кристо», снятая Робером Верни: после нее жен-

щины всего мира стали мечтать о французском красавце.

На съемках «Спальни старшессы» Маре познакомился с Жанной Моро, игравшей там небольшую роль. Он был очарован ее талантом и задумал поставить специально для нее «Пигмалиона» Бернарда Шоу. Ради этой постановки он перешел в Théâtre des Bouffes-Parisiens, где скоро стал художественным руководителем.

Репетиции «Пигмалиона», где Маре снова был режиссером, декоратором и актером, он вел параллельно со съемками в картине Марка Аллегре «Будущие звезды». Несколько месяцев Маре спал всего по два часа в сутки, зато и фильм, и спектакльользовались большим успехом, а Жанна Моро обрела настоящую славу.

На постановке пьесы Уильяма Гибсона «Двое на качелях», где партнершей Маре была Анни Жирардо, Маре снова работал с Висконти, которого пригласил режиссером, — сам Маре не смог поставить спектакль. В спектакле было всего две роли, и Маре решил, что он не будет разрываться напополам.

«Театр был его миром, — вспоминал один из его друзей. — Он играл как жил, как дышал. Он всегда репетировал и всегда был недоволен собой. Театр был смыслом его существования».

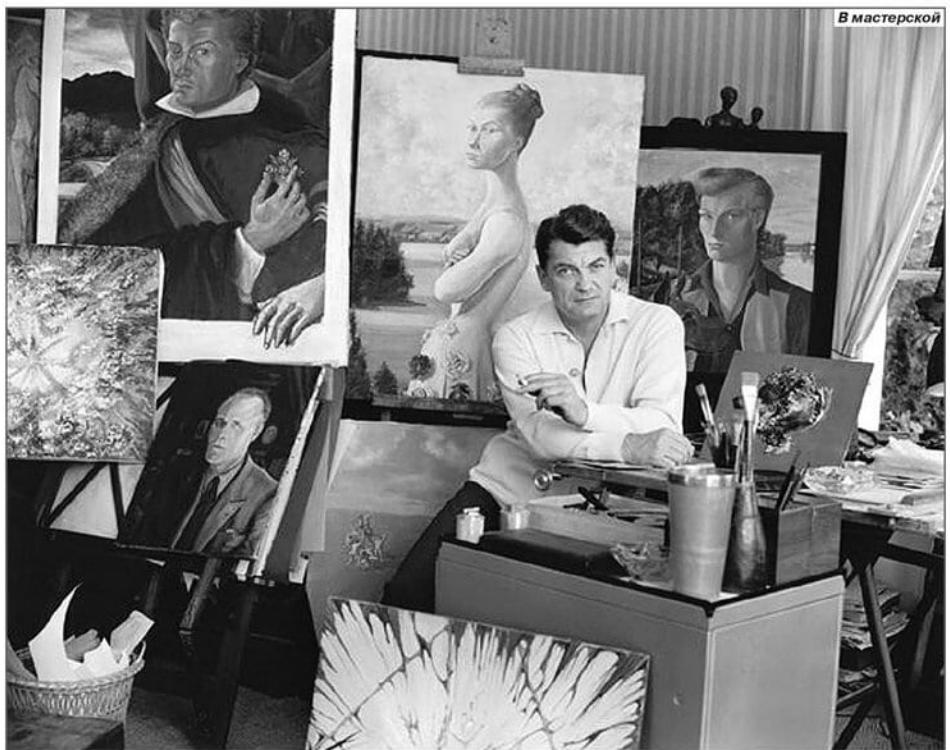
Конец пятидесятых Маре ознаменовал своей последней работой с Кокто — фильмом «Завещание Орфея», где сыграл Эдипа. Поэт — Кокто — вспоминает свою жизнь, пытаясь вернуть вдохновение и одержимость, и вместе с ним в кадре Серж Лифарь, Франсуаза Саган, Юл Бриннер, Шарль Азnavур, Пабло Пикассо, Марин Казарес...

Примерно в это же время началось долгое сотрудничество Маре с режиссером Андре Юнебелем, который снял подряд сразу несколько kostümных исторических фильмов с Маре: «Капитан», «Горбун», «Тайны Бургундского двора», «Парижские тайны»...

Эти фильмы, полные приключений и трюков, вывели популярность Маре на новый виток: теперь он был известен не как романтический герой-любовник своих прежних фильмов, страдающий и мучающийся, а как настоящий герой, шпагой и отвагой завоеваывающий мир.

Юнебель пригласил Маре на съемки, когда увидел, как он лихо повторил сложный трюк во время циркового выступления. Он признался: «Обычно актеры, целиком состоящие из мускулов, не обладают психологической глубиной. Нельзя требовать от Геркулеса из Чинчеты, чтобы он был даровитым исполнителем. Но Маре — о, с ним я держал в руках редчайшую птицу».

Фильмы Юнебеля побили все рекорды по сборам, и до сих пор остаются невероятно популярными. Конечно, все трюки Маре исполнил сам, хотя дело никого не обходилось без несчастных случаев. На съемках сцены из «Капитана», где ге-

рой Маре взбирается на высокую башню с помощью двух кинжалов, на одном из дублей он сорвался и упал с пятиметровой высоты. К счастью, обошлось без травм. Когда Маре спрашивали, как он готовит свои трюки, он отвечал:

«Часто режиссеры приглашают каскадеров, чтобы исполнить тот или иной трюк. Они репетируют, я смотрю — и по-помощи делаю трюк сам».

На самом деле все трюки были тщательно отрепетированы вплоть до самого мелкого жеста. При этом Маре никогда не занимался спортом, ограничиваясь лишь лыжными прогулками зимой и плаванием летом.

Успех, награды и толпы поклонников не вскружили ему голову. Он по-прежнему не верил, что все восторги зрителей и критиков относятся к нему, и оставался тем самым добрым, радостным и честным парнем, которым решил когда-то стать.

Вместе с Фернанделем он основал и несколько лет возглавлял Общество помощи актерам, потерявшим трудоспособность из-за болезни или несчастного случая. Оно оказывало финансовую помощь, помогало в организации лечения или отдыха. Маре никогда не страдал «звездной болезнью», не относился к себе всерьез.

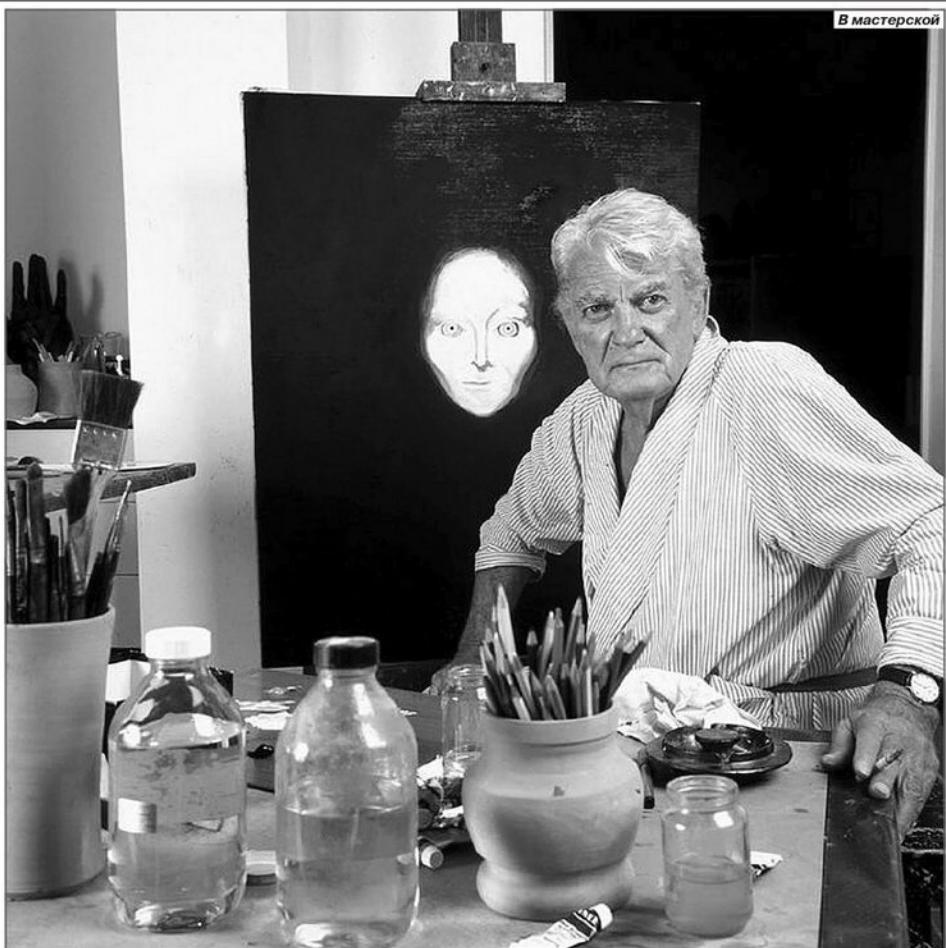
Тяжело заболевает Жан Кокто, человек, который был учителем, смыслом жизни и главной любовью Жана Маре. Он бросил все свои дела, снова перешел к Кокто и преданно ухаживал за ним до конца его дней.

11 октября 1963 года стало известно о смерти Эдит Пиаф, давней подруги Кокто. Узнав об этом, он сказал: «Это известие не дает мне дышать...» — и вскоре, готовясь зачитать по радио траурную речь, скончался от отека легких. По признанию Маре, это была самая тяжелая минута его жизни. В своеобразном письме-некрополе, адресованном Кокто, он признавался: «Жан, я люблю тебя. Ты сказал в «Завещании Орфея»: «Сделайте вид, что вы плачете, друзья мои, потому что поэт только делает вид, что он мертв». Жан, я не плачу. Я засну. Я засну, глядя на тебя, и умру, потому что с этих пор буду лишь делать вид, что живу»...

Еще через год, 15 сентября, скончалась мать Маре.

После смерти Кокто Маре выполняет желание своего великого друга — ставит его последнюю пьесу «Ученик дьявола». Он снова играл, ставил, декорировал, шил kostюмы...

Спектакль не имел ожидаемого успеха, однако Маре был счастлив хотя бы тем, что пьеса Кокто увидела свет. По признанию его друзей, вся его жизнь вращалась вокруг Кокто, он делал все в его честь и ради его памяти. Именно по совету Кокто Маре начал сниматься в экранизации приключений Фантомаса — пародийном сериале по мотивам произведений Пьера Сувестра и Марселя Аллена. Успех этих фильмов был настолько предсказуем, что съемки второй и третьей частей начались еще до того, как был закончен монтаж первой. Маре, исполнивший в трилогии роли самого Фантомаса, его протагониста журналиста Фандора и еще кучу ролей, стал невероятно популярен во всем мире и так возненавидел эти фильмы, что вместо запланированных изначально пяти картин было снято всего три.

В мастерской

По иронии судьбы, фильмы про Фантомаса стали фактически концом карьеры Маре в кино — с тех пор он появлялся на экране лишь эпизодически. «Мне не предлагали больше ничего, кроме приключенческих фильмов. Ловушка, которой я старательно избегал, захлопнулась. Я начал отказывать. А потом мне больше никто ничего уже не предлагал», — вспоминал Маре. Последнюю крупную роль он сыграл в 1970 году в «Ослиной шкуре» Жака Деми.

Маре заново поставил пьесы Кокто — «Ужасные родители» и «Царь Эдип».

В 1972 году в спектакле Мориса Бежа-

ра «Памяти Жана Кокто. Ангел Эртебез» он сыграл Поэта — образ, воплощавший душу Кокто, а в 1983 поставил в Theatre de l'Atelier пьесу «Кокто-Маре», которую вместе с Жаном-Люком Тардье написал, основываясь на своей личной переписке с Кокто. С этим спектаклем он объездил полмира, отдавая дань уважения человеку, который стал для него смыслом жизни. Потом он поставил еще две пьесы Кокто — «Вакха» и «Священные чудовища», напишет книгу воспоминаний о Кокто, возьмет на себя заботы о его творческом наследии. «Для меня он всегда был примером», — говорил Маре,

— я старался быть похожим на него. Он был на недосягаемой высоте, и я пытался подняться на его уровень, и поэтому я не остался внизу, где был до встречи с ним. Для меня он не умер, потому что я продолжал думать о нем».

Последние двадцать лет он словно прожил в тени самого себя. Маре оставил Париж и купил дом на Лазурном берегу, в городке Валларис, который называл «Внутренний двор» и где жил очень тихо и уединенно. В Валларисе Маре смог, наконец, полностью отдохнуть, на которое раньше у него очень редко находилось время, а также заняться скульптурой и гончарным делом.

А еще он рисовал иллюстрации к книгам и сочинял сказки, создавал kostюмы к спектаклям и писал мемуары, даже пробовал себя в роли парфюмера.

А он не перестал ни сниматься, ни играть в театре: в 1994 году он сыграл в «Отверженных» Лелуша с Жаном-Полем Бельмондо в главной роли, в 1996—м — в «Ускользающей красоте» Бернардо Бертолуччи, а еще через год вышел на сцену в роли Просперо в «Буре» Шекспира.

Маре страдал от рака спинного мозга, диагностированного в 1988 году, когда ему было 75 лет. Актёр решил жить со своей болезнью, чтобы продолжать заниматься своими обычными делами, и занимаясь плаванием, чтобы облегчить боль.

Его состояние постепенно ухудшалось до рокового дня, когда у него случился инсульт. Жан Маре был госпитализирован с двойным плевритом. Когда его выпили из больницы, он вернулся домой, на юг страны, и весной 1998 года упал, что совсем выбило его из формы.

Скончался Маре 8 ноября 1998 года в Каннах.

До последних дней Маре был уверен, что все его удачи — «череда счастливых несправедливостей».

«Мне никогда ничего не доставалось от жизни, кроме самого лучшего», — говорил он. — Это несправедливо».

Жан Маре. Памятник Марселю Эму.